

А.М. Хасанова* , **М.Ш. Хасанов** , **В.Ф. Петрова**

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

*e-mail: a.khasanova.kaznu@gmail.com

СТОЛЕТИЕ ЕВРАЗИЙСКОГО НАРРАТИВА: ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Евразийство подошло к своему столетнему рубежу с большим багажом теоретических и практических дискурсов. Трансформируясь от уровня философско-политической и цивилизационной теории, оно постепенно распалось на множество отдельных критических исследований, геополитических проектов и регионально-экономических стратегий. Более того, географически евразийство стало весьма многообразным: его бенефициарами выступают множество стран, а в некоторых антиглобалистских версиях – и весь «незападный» мир. Соответственно, максимально расширилась и география школ евразийских исследований: появившись в свое время в среде русских эмигрантов в Европе, в наши дни евразийские научные сообщества присутствуют уже на всех континентах. Академизация дискурса не добавляет ясности нарративам, в чем-то размывая, а в чем-то предельно сужая их.

Анализируя сложившуюся ситуацию в формате философско-методологических заметок, авторы статьи констатируют, что понятие «Евразия», разрабатывавшееся почти столетие назад в определенном узкоспециализированном контексте, в XXI веке стало настолько динамичным и многогранным, что способно выполнять лишь номинальную роль зонтичного термина, а полифоничность и открытый характер сегодняшних концепций Евразии выступают в качестве их ключевой характеристики. Применяя ряд пояснительных понятий, таких как «лакуна», «время и пространство», «инструменталистский подход», «идеология», «прагматизм» и др., авторы рассуждают о парадоксе евразийского дискурса: выступая в качестве интеграционного термина – и на теоретическом, и на практическом уровнях – он же является и термином разъединяющим. В статье рассматриваются динамичные сообщества евразийских нарративов, и подчеркивается, что их незавершенность это следствие эволюции самого явления и современных исторических реалий. Авторы заключают, что в локальных обстоятельствах дискретные концепции евразийства способны решать те задачи, которые не под силу «классическим» парадигмальным методам исследования, а комплексно-синтетический подход при рассмотрении феномена евразийства открывает новые перспективы его осмысления и использования.

Статья написана при поддержке общественного фонда «Art Eurasia Foundation».

Ключевые слова: Евразийство, евразийские исследования, нарратив, полифония, лакуна.

A.M. Khassanova*, M.Sh. Khassanov, V.F. Petrova

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

*e-mail: a.khasanova.kaznu@gmail.com

Eurasianism Narrative: A Century in the Making – Philosophical and Methodological Commentary

Eurasianism has approached its centennial milestone with a plethora of theoretical and practical discourses. Transforming from the level of philosophical, political and civilizational theory, it gradually disintegrated into a multitude of disjunct critical studies, geopolitical projects and regional economic strategies. Moreover, geographically, Eurasianism has become very diverse: its beneficiaries are many countries and in some anti-globalist versions – the entire “non-Western” world. Accordingly, the geography of the schools of Eurasian studies has expanded to the maximum: having emerged among Russian emigrants in Europe, today the Eurasian scientific communities are already present on all continents. The academization of discourse does not add clarity to the narratives, in some ways blurring, and in some ways extremely narrowing them down.

The authors present their analysis of the current situation in the format of philosophical and methodological notes and state that the concept of “Eurasia” that had emerged almost a century ago in a specific historical context, in the 21st century has become so dynamic and multifaceted that it is capable of performing only the nominal role of an umbrella term; the key characteristic of contemporary concepts of Eurasia are their polyphony and the open nature of terminology in the field. The authors apply a number of explanatory concepts such as “lacuna”, “time and space”, “instrumentalist approach”, “ideology”,

“pragmatism”, etc., to discuss the paradox of the Eurasian discourse: while it is conceived to be an integrating concept – both on the theoretical, and on practical levels – it is also a separating term. The article examines the dynamic communities of Eurasian narratives. It is emphasized that their incomplete nature is a consequence of the phenomenon evolution and of modern historical realities. The authors come to conclusion that in the local circumstances, the discrete concepts of Eurasianism are able to solve the problems that are beyond the power of “classical” paradigmatic research methods and that the synthesis approach to the phenomenon of Eurasianism opens up new prospects for its comprehension and use.

The article is written with the support of “Art Eurasia Foundation” public fund.

Key words: Eurasianism, Eurasian studies, narrative, polyphony, lacuna.

А.М. Хасанова*, М.Ш. Хасанов, В.Ф. Петрова

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

*e-mail: a.khasanova.kaznu@gmail.com

Еуразиялық нарратив ғасыры: философиялық-әдіснамалық жазбалар

Еуразияшылдық өзінің жүз жылдық кезеңіне үлкен теориялық және практикалық дискурстар жүгін арқалап келді. Философиялық-саяси және өркениеттік теория деңгейінен өзгере отырып, ол біртіндеп көптеген жеке сыни зерттеулерге, геосаяси жобаларға және аймақтық-экономикалық стратегияларға бөлінді. Сонымен қатар, географиялық тұрғыдан еуразияшылдық өте алуан түрлі болды: оның бенефициарлары көптеген елдерде, ал кейбір антиглобалистік нұсқаларында – бүкіл «батыс емес» әлемде көрініс тапты. Сәйкесінше, Еуразиялық зерттеулер мектептерінің географиясы да барынша кеңейді: бір кездері Еуропада орыс эмигранттары арасында пайда болған еді, бүгінгі таңда еуразиялық ғылыми қоғамдастықтар барлық континенттерде бар. Академизациялық дискурс нарративизм түсінігін тарытып, бұлыңғырлатып анық аша алмайды.

Қазіргі жағдайды философиялық және әдіснамалық жазбалар форматында талдай отырып, мақала авторлары ғасыр бұрын белгілі бір жоғары мамандандырылған контексте дамыған «Еуразия» ұғымы ХХІ ғасырда соншалықты серпінді және жан-жақты бола бастағанын, қолшатыр терминінің номиналды рөлін ғана орындай алатындығын, ал бүгінгі Еуразия тұжырымдамаларының полифонизмі мен ашық сипаты олардың негізгі сипаттамасы ретінде әрекет ететінін айтады. «Лакуна», «уақыт пен кеңістік», «инструменталистік көзқарас», «идеология», «прагматизм» және т.б. сияқты бірқатар түсіндірме ұғымдарды қолдана отырып, авторлар еуразиялық дискурстың қарсы түсінігі туралы пайымдайды: интеграциялық термин ретінде әрекет етеді – теориялық және практикалық деңгейлерде – бұл сонымен қатар ажырату термині болып табылады. Мақалада еуразиялық нарративтердің серпінді қоғамдастықтары қарастырылған және олардың аяқталмағандығы құбылыс пен қазіргі заманғы тарихи шындық эволюциясының салдары болып табылатыны атап өтілген. Авторлар жергілікті жағдайларда еуразияшылдықтың дискретті тұжырымдамалары зерттеудің «классикалық» парадигмалық әдістері шеше алмайтын міндеттерді орындауға қабілетті, ал кешенді-синтетикалық тәсіл еуразияшылдық феноменін қарастыру кезінде оны ұғыну мен пайдаланудың жаңа перспективаларын ашады деп тұжырымдайды.

Мақала «Art Eurasia Foundation» қоғамдық қорының қолдауымен жазылған.

Түйін сөздер: еуразияшылдық, еуразиялық зерттеулер, нарратив, полифония, лакуна.

Введение

Евразийство как историософское воззрение, а в последнее время и как практически реализуемые экономические и политические программы регионального и глобального масштабов приближается к своему столетнему юбилею. С тех пор как «Философский пароход» причалил к берегам Европы, евразийской теме посвящается значительный объем теоретических исследований. Начиная с творчества Л.Н. Гумилева в академических кругах активно разрабатываются новые аспекты этого феномена. На этапе нео-евразийства исследуются биологическое,

этническое, культурное, геополитическое измерения, евразийство как философия истории и как философия нации (Жданова, 2002). В ХХІ веке ракурс почти полностью смещается от разработки общих концепций в сторону нарративов «прагматического» евразийства, включающих ряд новых смыслов – геополитические интеграционные стратегии, проекты внутрирегионального развития, экономические программы.

На сегодняшний день главной характеристикой евразийского дискурса стал переход от теории к практике, а сплав политических идеологий и экономических реалий окончательно легитимизировал инструментально-прагматическое

толкование понятия «Евразия». Подобно тому, как идея евразийства в его классический период вдохновила русскую эмиграцию, в современном мире исторический вектор евразийства сохраняется в различных трактовках и не вызывает отторжения ни у одного из причисляемых к нему народов. Идеи евразийства привлекают перспективами и созвучностью чаяниям все большего числа индивидуальных и коллективных действующих субъектов. При этом, каждый «архитектор» – будь то исследователь или политик, научное сообщество или государство – транслирует свой, специфичный и дискретный взгляд. Иными словами, современные концепции евразийства являют собой феномен лакунного типа.

Объектом нашего исследования является эволюция и современное состояние евразийского дискурса. Предметом изучения выступает методологический аспект философского осмысления феномена Евразии. Цель статьи – на основе проведенного анализа предложить методологические и мировоззренческие корректировки по вопросу нарастающей полифонии трактовок данного понятия. Для этого авторами формулируются задачи представить историографический обзор генезиса и этапов, осуществить сравнительный анализ евразийских нарративов, изучить результаты институционализации и выявить противоречия и закономерности в сфере современных евразийских исследований, представить собственную оценку, способствующую осмыслению дальнейших путей развития евразийской парадигмы.

Авторы также уделяют внимание вопросу формализации евразийских исследований как на уровне отдельно созданных институций по изучению данной проблематики, так и на уровне разработок образовательных университетских программ. Выявлено, что естественным следствием современного положения вещей является возникновение методологических сложностей при дифференциации и выборе стратегий изучения актуальных видов «Евразий» и «евразийств», поскольку полифонию дискурсов зачастую объединяет только название предмета обсуждения. Не случайно еще в 2013 году в обзорно-аналитическом материале, опубликованном в *Journal of Eurasian Studies*, политолог Г. Мостафа (КИМЭП) так оценивал сложившуюся ситуацию: «Евразия является очень обсуждаемым, спорным и иллюзорным термином, имеющим разные значения и восприятие во времени и пространстве» (Мостафа, 2013:160).

Сам Г. Мостафа различает следующие типы

евразийства: классические и нео-классические геополитические концепции европейских и российских исследователей (от Х. Макинтера в начале 1900-х гг. до А. Дугина в начале 2000-х гг.), считающих Россию центральным государством Евразии; наработки центральноазиатских и кавказских исследователей, не предлагающих некой цельной альтернативы, но отрицающих представление о России как о центре Евразии; казахстанское евразийство, вдохновленное политическими идеями и практическими инициативами Н.А. Назарбаева и основанное на общности интересов экономики, политики и безопасности евразийских государств; а также евразийский скептицизм, представленный в основном неавтохтонными (европейскими) авторами (Мостафа, 2013:160). Иной способ систематизации евразийских дискурсов предлагает С.Ю. Колчигин, выделяя такие аспекты евразийства, как: идея культурного диалога между Европой и Азией; определение суперэтнической общности; идеологическое и политическое движение 20-х годов XX века; идея региональной интеграции на евразийском пространстве (Колчигин, 2010).

Список предлагаемых вариантов деления евразийства на составляющие, безусловно, можно продолжить. При этом само евразийство, выступая в качестве интеграционного термина, и на теоретическом, и на практическом уровнях, парадоксальным образом неизменно остается и термином разъединяющим. Эта противоречивость создает постоянное поле для дискуссий и противопоставления точек зрения.

В статье к современным концепциям евразийства применяется определение «нарратив» для того, чтобы подчеркнуть последовательную трансформацию дискурса, в процессе эволюции утратившего свой философский масштаб: двигаясь от уровня исторических, политических, цивилизационных теорий, евразийство распалось на множество дискретных инструментально-идеологических повествований. Говоря словами К. Эверед, концепция евразийства «превратилась в совокупность идеалов и географических положений, совершенно отличных от тех, которые связаны с его происхождением» (Эверед, 2018:29). Отмечается, что в зависимости от методологической позиции обозревателя, современные концепции евразийства могут рассматриваться либо как состоящие в хаотичном сообществе, не имеющем четкой перспективы, либо как набор самостоятельных нарративов, открытых для эвристического синтеза. Задача философского осмысления данного этапа – най-

ти общие, синтезирующие основания, которые бы позволили «объять» евразийство во всем его многообразии.

Не претендуя в рамках одной статьи на исчерпывающую информацию, авторы придерживаются формата методологических заметок и предлагают следующие наблюдения и выводы по обозначенной проблематике:

1) понятие «Евразия» изначально зарекомендовало себя настолько многообещающим и привлекательным, что его эволюцию можно рассматривать не как эссенциалистские поиски, а как историю инструментально-прагматического оперирования термином; 2) в этом смысле цивилизационная теория этногенеза Л.Н. Гумилева стоит особняком, и, хотя она целиком сфокусирована на теме евразийского континента, классическое евразийство начала XX в. и прагматическое евразийство XXI в. имеют намного больше сходных аргументативных паттернов друг с другом, чем с гумилевской теорией пассионарности и географического «месторазвития» многонародного суперэтноса; 3) важным этапом становления и самоосмысления евразийства является институционализация этих исследований; в этой сфере наиболее актуальны проблемы, связанные с подвижностью границ региона, семиотических, культурных и лингвистических толкований; поверхностным характером и полифоничностью евразийских нарративов; 4) геополитический потенциал реализации идеи евразийства не менее многогранен, чем ее академическая понятийная трактовка, поскольку каждый нарратив отображает политико-экономические предпочтения ее архитекторов либо культурно-историческую позицию исследователей, не претендуя при этом на полный перечень смыслов; 5) на наш взгляд, метафора лакуны лучше всего описывает, почему и как нарративы Евразии всегда предвзяты и незавершенны; 6) в то же время, признание евразийства открытой, динамичной, эволюционирующей концепцией открывает дальнейшие эвристические возможности для изучения феномена Евразии.

Методы

Рассмотрев евразийскую парадигму на основе историографического, сравнительного, аксиологического, инструментального, индуктивного, дедуктивного, лакунного, мультидисциплинарного методов исследования, авторы приходят к заключению, что наиболее правомерным будет выдвижение синтетической концепции евра-

зийства. Исторические реалии таковы, что современные евразийские нарративы вызревают на фоне отчетливо читаемых антиглобализационных тенденций и идеи многополярного мира. Они ориентированы на возрождение национальных интересов и традиций, уже многие годы разрабатываемых научным сообществом. Мы полагаем, что, имея богатую вековую историю, евразийский проект должен восприниматься во всем разнообразии форм и трансформаций, без отрицания и противопоставления различных нарративов, выдвигавшихся учеными и политиками в разных исторических условиях и пространствах, с учетом того, что любая исследовательская парадигма основывается на реалиях своей эпохи, а объективный подход требует комплексного учета экономических, политических, идеологических и социально-культурных тенденций (Карабаева, 2019:56-61). Текущая методологическая задача должна состоять в том, чтобы оставить понятие «Евразия» открытым, учитывая, однако, что для рассмотрения его эволюции в глобальном масштабе простая констатация положения вещей недостаточна и может привести к слишком абстрактным выводам (Рякова, 2019:83). На наш взгляд, на этом пути нет и не может быть прямых, однозначных ответов, поскольку гармоничное развитие человеческого сообщества возможно лишь в динамике. Эти убеждения и лежат в основе синтетической концепции евразийства.

Обзор литературы

Для достижения целей и задач настоящего исследования мы уделили особое внимание историографической литературе, актуальным дискуссиям и анализу экспертных мнений по вопросам влияния экономических, политических и культурных изменений на диспозиции стран-бенефициаров, изучению результатов теоретических и практических исследований, статей и монографий отечественных и зарубежных ученых, посвященных в том числе вопросам академизации евразийского дискурса и изучению формализации методов евразийских исследований.

Результаты и обсуждение

Историософский вектор и наследие Л.Н. Гумилева

Конкретно-исторические обстоятельства появления классического евразийства общеизвестны и этой теме, а также изучению идей первоэвразийцев посвящено множество истори-

ографических, философско-аксиологических и библиографических исследований. В рамках данной статьи мы вкратце коснемся описания классического этапа, главным образом чтобы подчеркнуть, что евразийство возникло как историософский проект, а его феномен имеет уникальные социокультурные предпосылки и чёткие исторические границы, обусловленные переломным моментом истории, то есть обстоятельства, невозпроизводимые в наше время.

Философско-политическое течение евразийства появилось в среде русских эмигрантов на изломе эпох, в 1920-х годах, и по большому счету было продолжением зародившейся еще в XVIII-XIX вв., и у славянофилов, увлеченных идеями консервативного романтизма, и у западников, отрицавших важность аутентичных элементов культуры для социально-экономического развития России, русской историософской традиции. В то время как в первой трети XX века в самой России всюду вращались жернова необратимых социальных, экономических, культурных трансформаций, пореволюционная русская эмиграция стремилась осмыслить и собрать воедино распадающуюся картину мира. Представленное отцами-основателями евразийства обоснование исторических прогнозов будущего России вылилось в идею «Исхода к Востоку». Восприятие Евразийского региона как самостоятельного «географического и исторического мира» было теоретически обосновано в историко-философских и культурологических концепциях П.Н. Савицкого, Н.С. Трубецкого, Н.Я. Флоровского, Г.В. Данилевского, К.Н. Леонтьева, В.Ф. Эрн, В.О. Ключевского, Г.В. Вернадского и других «изгоев» советской власти. Классический этап длился достаточно недолго, но в его орбиту были вовлечены десятки, если не сотни людей самого разного уровня: философы, историки, литературные критики, представители русской культуры, бывшие офицеры Белой армии (Филонова, 2011:3).

О силе и своевременности данной концепции свидетельствует и тот факт, что в течение своего первого десятилетия идея евразийства сумела «захватить фактически всю интеллигентную эмигрантскую молодежь в Софии, Праге, Париже, Берлине, в Югославии и Америке» (Тлеугабылова, 2013:288-291). Более того, запрос на новый интеграционный нарратив превысил само исходное предложение и идея поисков «исконности» (в данном случае – славяно-азиатских связей по отношению к «менее традиционным» связям романо-германского мира (Тлеугабыло-

ва, 2013:288-299)) приобрела силу *универсального паттерна* для всех современных форм прагматического евразийства.

Предваряя рассмотрение дальнейшей эволюции идеологического прочтения темы евразийства, следует уделить внимание стоящему особняком и оказавшемуся наиболее влиятельным и масштабным в евразийском дискурсе середины – конца XX в. научному и творческому наследию Л.Н. Гумилева. Основные положения его теории этногенеза широко известны, поэтому в рамках нашей статьи ограничимся лишь указанием того, что имя этого ученого ассоциируется с понятиями «цивилизационный подход», «географический детерминизм», «славяно-тюркская комплиментарность», «теория пассионарности». Но важно учесть, что, будучи универсальным ученым и выдающимся междисциплинарным мыслителем, свою вторую по счету докторскую диссертацию «Этногенез и биосфера Земли» Л.Н. Гумилев защищал на факультете географии, то есть позиционировал проблематику евразийства уже вне рамок гуманитарного дискурса. Для нашей дискуссии данный аспект представляет интерес, поскольку в евразийских исследованиях существует направление, объявляющее «мифом» историческую непрерывность евразийского нарратива и отрицающее преемственность линии «классики – Л.Н. Гумилев – дальнейшие формы евразийства». Так, М. Ларюэль однозначно исключает наследие «социобиологической этнологии» Л.Н. Гумилева из логического контекста идеологически обоснованных теорий евразийства. Она поясняет, что Гумилева, даже несмотря на его собственные убеждения, нельзя «в строгом смысле» считать учеником или последователем романтической философии 1920-х гг., а последним евразийцем, по сути должен быть признан П.Н. Савицкий (Ларюэль, 2001:450). Позволим себе согласиться с ее мнением, поскольку с компаративистской точки зрения действительно стоит диверсифицировать теории не по принципу объекта, а по принципу предмета исследования и строгая историческая преемственность идей не всегда возможна.

Эстафету представителей русской эмиграции подхватили европейские модернисты и постпозитивисты. Их усилиями евразийский вектор, вызревший за пределами России, и даже за пределами Евразии, обрел весомый авторитет в международных научных кругах, а естественный процесс эволюции привел к новому витку его теоретических прочтений. С середины XX века термин «евразийство» распространился в

социально-гуманитарной и антрополого-исторической научной среде в буквальном смысле на весь мир – с Востока на Запад и с Севера на Юг. В академических кругах эта концепция вызвала интерес у ученых сообществ столь удаленных друг от друга стран, как Япония и Канада, Корея и США, Австралия и страны Южной Америки, не говоря уже о Советском Союзе, а затем и странах СНГ. Свое прочтение идея евразийства получила также в Турции, Иране и остальном исламском мире. Современные евразийские исследования принадлежат уже многонациональному научному сообществу и концентрируются на современных экономических, политических, идеологических и социально-культурных тенденциях.

Академизация и институционализация евразийского дискурса

В рамках нашего исследования вопросы академизации евразийских исследований могут быть рассмотрены с точки зрения того, как эта сфера отображает методологическую проблематику самого исследовательского поля. Под академизацией понимается институционализация исследовательского процесса, размежевание и формализация исследовательских позиций и дебют специализированных вузовских образовательных программ. Полифоничность представлений о Евразии закономерным образом находит отображение и в сфере организации евразийских исследований.

Но в первую очередь хотелось бы отметить, что универсальная привлекательность и большой академический потенциал данного поля в международном масштабе инициировали потребность в формальной самоидентификации институциональных акторов со своим регионом. Так, в университетской среде актуальность интеграции на основе евразийского дискурса была обозначена еще до распада Советского Союза, а в 1992 г. – формализована путем преобразования созданной в 1989 г. Ассоциации университетов СССР в Евразийскую ассоциацию университетов. «Сегодня Евразийская ассоциация университетов (ЕАУ) – авторитетная и влиятельная международная организация. В неё входят национальные университеты всех стран СНГ, ведущие региональные университеты и высшие учебные заведения стран Евразийского пространства. Организация объединяет 142 университета Азербайджана, Армении, Беларуси, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Латвии, Молдовы, России, Таджикистана, Туркмении, Узбе-

кистана и Украины» – отмечено на сайте ЕАУ (Евразийская Ассоциация Университетов).

Аналогичным образом, непреходящая интеграционная привлекательность территориальных объединений была отмечена в 2014 г. появлением еще одной ассоциации регионального типа – Silk Road Universities Network (SUN). Эта сеть включает 79 вузов из 28 стран, от Кореи до Португалии, а в 2015 г. на ее основе была организована программа академических исследований International Association of Silk Road Studies со штаб-квартирой в Южной Корее и столь же широкой сферой географического охвата.

В РК всесторонняя приверженность ренессансу евразийства, параллельно с декларацией Казахстаном масштабных международных политэкономических интеграционных инициатив, достаточно серьезно проявилась и в академическом дискурсе. Уже с 1992 г. на базе КазГУ им. аль-Фараби проводились международные симпозиумы «Восток-Запад: диалог культур». На открытии первого из них дистанционно, находясь уже в больнице, участвовал почетный гость – выдающийся ученый-евразиец Л. Н. Гумилев. Он направил участникам симпозиума приветственную телеграмму¹ и свою последнюю работу – «Ритмы Евразии», которая была выпущена в г. Алматы в 1993 г. отдельным изданием, как часть материалов проекта «Восток-Запад: диалог культур» (Гумилев, 1993). Эта инициатива профессорско-преподавательского состава кафедры философии нашего университета и интернационального сообщества участников имела резонанс в научных кругах и, безусловно, внесла свою лепту в рост самосознания многонационального казахстанского народа.

В 1996 г. Указом Президента РК Н.А. Назарбаева был открыт Евразийский университет им. Гумилева (ныне – Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева); с 2019 г. в Назарбаев Университете существует уникальная программа «Междисциплинарной докторантуры в области Евразийских исследований», а также магистерская программа.

Для научного сообщества стран дальнего зарубежья открытие ранее «незамеченного» региона стало значительным стимулом и подвигло к активному поиску новых подходов, методик

¹ Текст данной телеграммы был использован в качестве эпиграфа к алмагинскому изданию последней работы Л. Н. Гумилева «Ритмы Евразии»: «Искренне желаю будущим историкам культуры успеха и надеюсь на благодарность потомков, ради которых ... работал всю жизнь».

и тем, равно как и к обмену идеями с «автохтонными» исследователями региона. С 1990-х годов евразиеведение во многих учреждениях в различных частях мира вводится как новая увлекательная область региональных исследований (CIAS). Как отмечает М. Ривз, на рубеже XXI века англоязычная центральноазиатская наука находилась на подъеме в хорошем смысле этого слова. «Заметность антропологии Центральной Азии на международных конференциях возросла, а более широкое региональное поле исследований Центральной Азии было институционализировано благодаря усилиям таких организаций, как Общество центральноевразийских исследований (CESS), Европейская ассоциация центральноазиатских исследований (ESCAS) и Ассоциация славянских, восточноевропейских и евразийских исследований (ASEEES)», область была усилена «с помощью новых институтов и отделов, которые выдвинули центральноазиатскую этнографию как часть программ сравнительных исследований» (Ривз, 2014:67-68).

Не только в Европе, но и на североамериканском континенте проявилась тенденция преобразования устаревших программ, посвященных изучению стран социалистического блока в географически более расширенные. Пример – реорганизация открытой в 1969 г. в Стэнфордском университете программы «Committee for Russian, East European and Communist Studies» в «Center for Russian East European and Eurasian studies» (CREEES) в 2003 г. при поддержке Stanford Globalizing Eurasia Grant и открытие еще более двадцати программ евразийских исследований в университетах и колледжах США, старейшая из которых, Turkic and Central Eurasian Studies Program (TCESP), была основана еще в 1949 г. в Университете штата Вашингтон.

Захватывающий и динамичный процесс академизации этой сферы исследований во многих случаях развивался в русле пассионарных представлений Л.Н. Гумилева. Многие проекты были результатом личной биографии и многолетнего профессионального интереса отдельных ученых, как в случае с профессором Майклом Герверсом из Университета Торонто, Канада. М. Герверс на Западе признан архитектором исследований Центральной и Внутренней Азии (CIAS), с 1994 г. объединившим исследователей в проекте регулярной научной конференции, предоставляющей «интеллектуальные возможности для перспективного изучения Центральной Евразии». Внимания заслуживает и такое представительное комплексное объединение как

Transatlantic Research and Policy Center со штаб-квартирами в Вашингтоне (США) и Стокгольме (Швеция). Трансатлантический Центр объединяет исследователей Central Asia-Caucasus Institute и Silk Road Studies Program и претендует на звание ведущего международного объединения такого плана.

Если в Соединенных Штатах, помимо отдельных научно-исследовательских институций, поддерживаемых государственным и частным финансированием, крупных онлайн ассоциаций (таких как The Program on New Approaches to Research and Security in Eurasia (PONARS Eurasia)² или онлайн ресурсов по вопросам преподавания центральноазиатских исследований (как, например, проект Online Histories of Central Asia) (Келлер, 2009:43-52), число вузов, предлагающих программы по евразийским исследованиям уже приближается к трем десяткам, то в остальных частях света такие академические программы представлены еще не настолько широко. Тем не менее, стоит упомянуть о существовании китайского Института евразийских исследований, занимающегося вопросами современной геополитики, экономики, международных и региональных отношений «в Евразии и Центральной Азии» на базе China Institutes of Contemporary International Relations. Первая в Турции магистерская программа евразийских исследований появилась на базе METU (Анкара) и предлагает более широкую, почти образцовую образовательную повестку, включающую изучение истории и культуры Евразии, определение международных и внутренних источников изменений, обучение междисциплинарной методологии исследований, создание академической атмосферы для студентов евразийского региона и других частей света (METU). В Иране евразийским исследованиям уделяется большое внимание: в 2004 г. в Тегеране открылся The Institute for Iran-Eurasia Studies (IRAS) – некоммерческая неправительственная организация, занимающаяся исследованиями и публикацией материалов по главным вопросам и текущей повестке Евразийского и Южно-Кавказского региона. Еще одна структура – The JICES – это ежеквартальный журнал, посвященный исследованию истории, культуры, экономики, социальным, политическим и военным вопросам Центральной Евразии.

² PONARS – объединение более 125 исследователей, представляющих в основном Северную Америку и постсоветские страны, изучающих вопросы экономики, политики, безопасности евразийского региона.

зии. В странах СНГ также издается ряд академических журналов евразийского направления и существуют институты, специализирующиеся на вопросах евразийского региона.

Приведенные выше примеры демонстрируют, но не исчерпывают тему формализации евразийских исследований в международном масштабе. Количество и разнообразие академических сообществ, университетских программ, онлайн-ассоциаций, регулярных конференций, специализированных периодических изданий и других форм академизации евразийского дискурса продолжает увеличиваться. С перспективы сегодняшнего дня, классическое евразийство, когда-то захватившее умы российской революционной эмиграции, несомненно выглядит как малая и устаревшая толика общеевразийского нарратива, а результатом институционализации евразийских исследований стала современная полифоничность подходов и способов постановки проблем.

Географические и семантические границы региона

Одним из ярких примеров «многоголосицы» взглядов в евразиеведении, а по сути – проблемной методологизации, является то, что в силу договорной либо инерционной тенденции, географические границы того, что исследователи считают Евразией, научным сообществом практически не регулируются. Эти границы продиктованы самостоятельным интересом ученых и потому достаточно эклектичны, а иногда близки к произвольным. Так, диапазон «мест», включенных CIAS в свой список, довольно специфичен: это Афганистан, Внутренняя Монголия, Иран, Калмыкия, Казахстан, Корея, Кыргызстан, Таджикистан, Тибет, Туркменистан, Узбекистан и Восточный Туркестан (Синьцзян) (CIAS). Аналогичным образом, *The Central Asian Survey*, многопрофильный журнал, который издается CESS и специализируется на «различных вопросах истории, политики, культуры, религий и экономики» (CESS), относит к евразийскому региону страны Центральной Азии и Кавказского региона, а также китайский Синьцзян, Монголию, Афганистан, Иран и Турцию. IRAS посвящает исследования симбиозу Южнокавказского региона и Евразии. Для *International Association of Silk Road Studies* географические границы растянуты от Южной Кореи до Иордании, от Шри-Ланки до Португалии. Примеры можно продолжать.

Наряду с этим, имеется путаница и с единством двух терминов – Центральная Азия и Ев-

разия. При этом, не похоже, чтобы этот «дуплет» не давал покоя исследователям. Так, в большинстве современных русскоязычных и англоязычных источников, которые нам довелось изучить в этой связи, – будь то статьи или монографии, интервью или обзоры, компаративистские или аналитические исследования, преобладает тенденция не делать больших различий между Центральной Азией и Евразией. Напротив, эти термины взаимозаменяемы, а также параллельны таким понятиям, как Центральная Евразия, Большая Евразия и, наконец, Новый Шелковый путь.

Вероятно, можно было бы ожидать гораздо более ревностное отношение к этой проблеме в среде «автохтонных» ученых, но в международном масштабе прослеживается и, видимо, еще долго будет преобладать тенденция к продвижению более космополитических интерпретаций. И одной из причин такого положения дел, как справедливо отмечает С. Амслер, является то, что формирование понятия «Евразия» совпало со временем упрощения, стандартизации, «макдональдизации», особенно в сфере евроцентристских теорий политической экономии, культурных практик и идеологии (Амслер, 2009:45).

Любопытным аспектом евразийских исследований является и так называемый восточный подход, то есть арабо- и исламо-центричный взгляд на проблемы евразийства и региональности. Так, С. Актюрк, исследуя современные теории национализма, заявляет о важности тюрко-монгольского следа и считает, что в основу «многоэтнической государственной структуры, которая характеризует многие государства Центральной Евразии в истории, включая Великих Моголов в Индии, Сефевидов и Каджаров в Иране и Тимуридов в Центральной Азии» (Актюрк, 2006; Рой, 2000), легло наследие «сосуществования тюрко-монгольских военно-политических элит при поддержке персоязычных бюрократов». Встречаются и более радикальные точки зрения, принижающие значение всех дискурсов, не ориентированных на Восток, и даже дискурсов некоторых стран Востока, не достойных, по мнению авторов, сравнения с их собственным лакунным взглядом. Так, по мнению К. Эврета, «вклад русских / славян и арийцев / скифов / иранцев в евразийскую идентичность и историю явно отсутствует». При этом, сам он подчеркивает важность союза Казахстана и Турции как двух региональных стран, «продвигающих евразийство», и настаивает, что государство и исламистские группы являются «неотъемлемой

частью построения турецких взглядов на Евразию» (Эверед, 2018: 29). За подобной экзотикой просматривается скорее не научный анализ, а политический заказ, смешение и подмена в его угоду таких понятий, как «евразийство» и «пантюркизм».

Следует отметить, что тенденции всемерно расширять географическую область исследований противоречит практика ограничения области евразийского региона до его минимальных границ. Такой подход часто свойственен «автохтонным» исследовательским проектам и ученым из стран СНГ. Так, например, в сравнительном анализе международных случаев регионализма А. Обыденковой акцент делается на так называемую постсоветскую Евразию. А. Обыденкова рассматривает международные примеры регионализма и считает «ЕС наиболее значительным и далеко идущим среди всех попыток регионализма». В то же время она ссылается на постсоветскую Евразию как на пример неудачных попыток региональной интеграции, сопоставимый с такими восточными проектами, как Северо-Азиатский регион и Латинская Америка (Обыденкова 2011:87-102). В ее исследовании евразийский регион приравнивается к республикам Средней Азии, что фактически упрощает задачу авторского сравнительного анализа.

С критикой такого «ограничения краеведения границами бывшего Советского Союза» выступают А. Бисенова и К. Медеуова. Они предлагают свое объяснение, почему для ученых СНГ типична тенденция сужать горизонт евразийских исследований регионом Центральной Азии. Обозначая проблему «двойной колониальности», А. Бисенова и К. Медеуова указывают на такой недооцененный фактор, препятствующий развитию более широкого видения, как проблема языка исследования. Настаивая на решающей роли языковой эрудиции, казахстанские ученые считают, что на протяжении многих десятилетий русский язык был доминирующим языком не только межнационального общения, но и академического дискурса, и, например, «ученые из Афганистана или Синьцзяня не всегда попадают в контекст исследований Центральной Азии» (Бисенова, 2016:35-39). Более того, говоря о сегодняшних границах академической практики, А. Бисенова и К. Медеуова отмечают, что в случае центральноазиатских или евразийских исследований «колониальный» фактор советского наследия сразу же был заменен новым, западным дискурсом. Важнейший вывод их исследования заключается в том, что, несмотря на

растущий интерес к региональным исследованиям, «стакан наполовину пуст»: многим молодым ученым приходится уезжать на Запад, чтобы изучать Восток, а те, кто остается в рамках старого советского академического образования и опыта, подвержены академической маргинализации (Бисенова, 2016:38).

Такую же «маргинализацию», по мнению культуролога и лингвиста А. Улько, испытывают те, кто остается в рамках старой парадигмы и воспринимает область исследования евразийства только как проблему поиска идентичности. А. Улько развивает эту тему, ссылаясь на термин «нарратив» в узкоретроспективном смысле, чтобы выявить и оценить корни «зарождающихся постсоветских и постколониальных дискурсов». Он заявляет, что «на протяжении большей части двадцатого века Центральная Азия как регион переживала кризис идентичности» и что «одержимость этнической принадлежностью только усилилась с независимостью». А. Улько утверждает, что ключом к центральноазиатской концепции нации, а также центральной темой автохтонных исследований «стало повествование о ее исконном этническом происхождении», и оценивает это как существенный методологический недостаток (Улько, 2017).

Таким образом, мы рассмотрели ситуацию существования в современном академическом и институциональном дискурсе множества «Евразий». Для одних учебно-образовательных программ границы региона схожи, для других – радикально расходятся и в долгосрочной перспективе эти границы еще долго будут «условными», поскольку определяются в первую очередь профессиональными интересами самих исследователей.

Прагматическое евразийство

Рассмотренное выше многообразие представлений о предметном поле и географических границах региона является следствием объективных исторических процессов, политэкономических преобразований, а также стратегического позиционирования и долгосрочного планирования евразийских государств. Иными словами, термины «Евразия» и «евразийство» примеряют на себя различные страны-«игроки» и закономерным результатом этого становится запрос на исторически аргументированные рассуждения и теоретически обоснованный идеологический нарратив. В наше время эти понятия «работают» не столько на философскую концепцию, сколько на идеологическое,

обоснование и реализацию геополитических интересов стран в рамках масштабных политических и экономических проектов и инициатив. Поэтому, переходя к обсуждению тем, относящихся к практическим вопросам, таким как региональная интеграция и международная политика, хотелось бы сразу указать на важную методологическую особенность данного дискурса. Евразийские нарративы стран-бенефициаров в этой области могут радикально отличаться, но в конечном итоге их объединяет один общий инструменталистский *прагматический паттерн*. На это еще в 1998 г. обратил внимание З. Бжезинский. По его мнению, «термин «евразийство» является скорее политико-идеологическим и философским понятием и пониманием с многомерными чертами и аспектами, которые возникали и появлялись вновь на различных исторических этапах у философов, историков, националистов, коммунистов, а также отдельных групп и лидеров для достижения своих целей и стремлений» (Бжезинский, 1998).

П. Брага и С. Канешко подробно анализируют происходящие процессы и заключают, что «в XXI веке каждый крупный игрок Евразии инициировал свой интеграционный проект: Россия реализует ЕАЭС; в 2011 году Соединенные Штаты объявили о своем «повороте в сторону Азии», направленном на консолидацию экономического блока через Транстихоокеанское партнерство (ТТП) и Новый Шелковый путь – предложение об интеграции Южной и Центральной Азии вдоль древнего торгового пути; Китай ответил инициацией гигантской инициативы «Один пояс, один путь», беспрецедентной по своим амбициям; Индия начала планирование политики «Соединим Центральную Азию» и «Коттон-роуд», инициированную в качестве противовеса Инициативе Китая» (Брага, 2020).

Более четверти века успешно претворяется в жизнь и первый внутрорегиональный проект сотрудничества – ЕАЭС, ключевые принципы и практические шаги к реализации которого были обозначены Н.А. Назарбаевым еще в 1994 г. Избегая излишней политизации, проекту евразийского экономического сотрудничества удается успешно и последовательно вносить вклад не только в экономическую, но и в культурно-гуманитарную интеграцию региона. Как отмечает О. Лысенко в обзорной статье «ЕАЭС: от идеи к воплощению», «в международном масштабе после этого Лидера Казахстана стали называть

главным архитектором евразийской интеграции, хотя многие писали, что тогда со своей инициативой он опередил время» (Лысенко, 2021).

Наиболее амбициозными в торгово-экономическом отношении выглядят проекты России по интеграции евразийского континента «с дальним прицелом на то, чтобы в будущем организовать геополитический блок со своим доминированием» и использование Китая финансовой мощи «для физической и экономической интеграции Евразии в проект века «Один пояс, один путь» (ОБОР), на который подписались шестьдесят пять стран, расположенных в четырех различных регионах – Азия, Ближний Восток, Африка и Европа (Сербин, 2018).

Важным фактором, определяющим процессы, происходящие на евразийском пространстве, выступает и заинтересованность Европейского Союза в поддержании своего влияния в евразийском регионе, и опасения малых игроков в исключительном доминировании интересов России или Китая. Это дает точки соприкосновения для сближения стратегических позиций Европы и таких стран как Азербайджан, Армения, Афганистан, Беларусь, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Монголия, Пакистан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина и др. «Чем ближе сосед, тем сильнее его опасения по поводу чрезмерного влияния, гегемонии или вопросов безопасности в этих региональных проектах. Подобно тому, как Казахстан больше всего опасается российского господства, Монголия больше всего опасается попыток Китая по интеграции. ... Более мелкие страны приветствуют конкуренцию между этими проектами как гарантию своей независимости и рассматривают ЕС как силу, которая может помочь ограничить Россию и Китай» – говорится на сайте Европейского Совета по международным отношениям (Дюшатель, 2016).

В любом случае, в настоящее время Евразия нацелена на то, чтобы стать одним из самых важных мировых аттракторов, и практические аспекты решения проблем региональной интеграции, инструментализм сопутствующих идеологических нарративов важны не меньше, если не больше, чем академический дискурс евразийства. А. Сербин отмечает: «В то время как мир сосредоточен на ... смещении экономического динамизма из Атлантики в Азиатско-Тихоокеанский регион, в Евразии постепенно возникает новое глобальное гравитационное притяжение»

(Сербин, 2018:193-208). При этом, сценарий получения полного доминирования каким-либо одним игроком, даже Китаем, не предопределен, поскольку «китайское руководство хорошо осознает возможность того, что чувствительная и небезопасная Россия может остро отреагировать на растущее влияние Китая» (Ролланд, 2019:7-22). Страны региона в наибольшей степени заинтересованы сосредоточить внимание «на общих политических, экономических интересах и интересах безопасности».

Наш обзор позволяет заключить, что при продвижении вопросов политэкономической интеграции обязательно используется риторика евразийского наследия, но ее нарративы являются инструментальными и второстепенными по отношению к основным глобальным целям стран. С философской точки зрения, весь прошедший период XXI века – это продолжение разработки евразийских нарративов, обосновывающих эти мега-проекты. Комментаторам, экспертам, исследователям остается обсуждать природу этих мегапроектов и их влияние на глобальную геополитическую конфигурацию. «Евразия», пишет в этой связи С. Канешко, – это в лучшем случае эвристическая единица анализа». Возрастающая пафосность заголовков и отработка интеграционной риторики (как, например, «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века» (Султанов, 2017:143-169), «A China-Russia Condominium over Eurasia», «Greater Eurasian Partnership» (GEP) и т.д., только подтверждают тезис о том, что темы евразийства превращаются в текучий, идеологизированный, незавершенный нарратив.

При рассмотрении практических сторон прагматических видов евразийства не следует забывать и о культурной составляющей. Как отмечает А. Масалимова, «В настоящее время культура стала неотъемлемой частью международной политики и играет важную роль на мировой арене». Культурная дипломатия широко используется странами Великого Шелкового Пути в качестве «мягкой силы» для популяризации своего культурного наследия и пропаганды достижений своего народа. В частности, отмечает А. Масалимова, Китай практикует культурный диалог с соседними странами для распространения «силы глобального влияния культурных и духовных ценностей, технологий и т.д.» (Масалимова, 2019: 48).

Евразийство как феномен лакунного типа

Закономерность существования множества современных концепций евразийства и причины, по которым они всегда будут предвзятыми и незавершенными, можно объяснить при помощи метафоры лакуны. Данный термин уже упоминался в нашем обсуждении для пояснения того, как пределы профессионального мировоззрения ученого влияют на направленность исследования и способность объективно оценивать сущность изучаемого явления.

В психолингвистике лакунами называются «лексические образования, принадлежащие только определенной культуре и языку и не имеющие аналогов в других культурах и языках» (Казази, 2014:353). Данный термин был выведен Ю. Сорокиным из лексики контрастивной лингвистики и позже заимствован учеными-социологами в качестве инструмента для понимания межкультурных различий (Дашидоржиева, 2010:48). Методологически расширив сферу применения данной теории на область нашего обсуждения, мы предлагаем рассмотреть разнообразие интерпретаций евразийства как феномен лакунного типа. По нашему мнению, метафора лакуны не только позволяет выявить и обсудить так называемые «межкультурные и внутрикультурные «пробелы» (лакуны), которые могут препятствовать взаимопониманию» (Джолович, 2006) ученых либо политиков, но также помогает обосновать различия в интерпретации ими определенных понятий или явлений. Понятие *лакуна* представляется нам ценным междисциплинарным теоретическим инструментом для отслеживания генезиса и уникальности каждого из прагматически-, идеологически-, инструментально-обоснованных евразийских нарративов. Такая интерпретация может помочь, например, при объяснении того, как архитекторы «евразийских интеграций» опираются на обыгрывание собственных узкоспециализированных представлений, краткосрочных либо долгосрочных интересов.

Не вызывает сомнения, что каждая новая интерпретация понятия «Евразия» является результатом привнесения субъективного видения Евразии, основанного на позиции автора как наблюдателя во «времени и пространстве». Однако, следует учитывать и то, что «авторы» всегда ограничены рамками своей сосредоточенности на проблеме и часто не могут в рамках господствующей парадигмы принять (или выдвинуть) никаких альтернативных – противоречащих

или видоизмененных – дискурсов. Как отмечает Н. Сотникова, исследователь может приписать своему исследованию любое направление, но постановка исследовательской задачи всегда опирается на ее исторические рамки. К объектам научного исследования ученые обращаются в разные исторические моменты, и это дает основание для множества интерпретаций и открытий новых смыслов явления. Более того, ученые изучают вопросы «выборочно», исходя из собственных аксиологических соображений, и эта методологическая особенность определяет появление многих «истин» о том или ином объекте исследования (Сотникова, 2010: 98-103).

Примером, подтверждающим лакунный характер любых евразийских нарративов, может быть обращение к «параллельному», тюркскому взгляду на регион и соответствующим представлениям о развитии культурных, экономических, политических связей. Так, в статье, посвященной истории осмысления тюркской интеграции, Г. Телебаев подчеркивает, что эта идея имеет по меньшей мере полуторавековую историю, то есть по времени появления несколько опережает эпоху классического евразийства. Г. Телебаев, подчеркивает, что «тюркские народы даже на генетическом уровне помнят общее происхождение и получают дополнительные импульсы родства в языке, культуре, обычаях и традициях, музыке» (Телебаев, 2021:123-130). Он подробно излагает историографию классического этапа тюркской интеграции и здесь можно легко домыслить параллели между евразийскими исканиями и тюркскими концепциями именно в ключе «лакунности» историософских представлений.

Не менее масштабное и взаимоинтегрирующее осмысление сходной идеи – вариант культурного диалога в формате Великого Шелкового пути – встречаем в статье В. Осербаева и Т. Габитова. Это еще один подход к определению роли и места Центральной Азии в региональной интеграции, основанный на изучении связей между «римской и степной, тюркской и иранской, Арабской и Китайской империями от античности до Средневековья», сохранивших свое значение и до наших дней. Исследователи проводят водораздел не между Россией и Евразией или Евразией и тюркским миром, а между кочевниками и оседлыми сельскохозяйственными культурами данного ареала (Осербаев, 2021:62).

Таким образом, евразийцы всех времен не одиноки в своих интеграционных и мировоззренческих исканиях. В XXI в. казахстанские

философы и культурологи берутся за осмысление роли евразийского/центральноазиатского региона, увязывая свои исследования с культурно-историческими реалиями. И, на наш взгляд, ни одно из этих направлений не противоречит друг другу, хотя они различны по масштабам и направленности.

Заключение

Аналитико-методологический обзор генезиса, этапов развития и современного использования понятия «евразийство» показывает, что все его вариации объединяет лишь общее название. Большей частью они представляют собой ряд отдельных повествований-нарративов, но ни в коем случае не цельную евразийскую парадигму. Интегральный изначально по своей сути смысл понятия «Евразия» в современной реальности имеет множество дифференциальных измерений, разъединяя свои теоретический и практический дискурсы (историографический, этногеографический, прагматический и т.п.). При этом, проблема существования множества «Евразий», равно как и множества «центров Евразии», удивительным образом не является таковой для бенефициаров евразийства. Каждый автор-теоретик или архитектор-политик вполне самодостаточен в своем лакунном подходе и занимается углубленной разработкой собственного нарратива, а не согласованием своих видений с общеакадемическим дискурсом или же с другими идеями региональной интеграции. Наиболее абстрактным это понятие становится в образовательной сфере. Это обусловлено спецификой образовательного процесса, с присущей ему потребностью в формализации, упрощении, «макдональдизации» дискурса. Но в этом состоит и его преимущество перед другими сферами деятельности: возрастает конвертируемость образовательных программ евразийских исследований и масштабирование евразийской темы в учебно-академическом поле.

Издержки «западных» исследований Центральной Азии, по мнению ряда исследователей, заключается в давно устаревшей евроцентричности подходов и недостатке внимания к специфичной и богато документированной историей центральноевразийского мира (Эртюрк, 1999:1-9). В странах СНГ современный ренессанс евразийства в конце XX века инициировал усиление философско-политической доктрины детализированными геополитическими концепциями Евразии. Это была реакция на глобальные про-

блемы современности и поиск путей достижения общего геополитического будущего. Большинство исследователей видят в этом выход из кризиса для всех постсоветских государств и перспективы присоединения их к международному сообществу (Фазизова: 2011). Уделяется внимание и потенциально долгосрочным проблемам, обозначенным такими авторами как А. Обыденкова, К. Бондаренко, отмечающим, что, несмотря на академические попытки обнаружить основы объединения стран Центральной Азии в единый прочный блок, реальность внутри регионов часто противоречит этому общему видению. Они заостряют внимание на том, что и что «сама природа режимов в регионе не только сформировала неэффективные экономические модели, но и является фактором, препятствующим интеграции» (Обыденкова, 2011:87-102). Мы разделяем их точку зрения, что, несмотря на идеологические конструкции центральноазиатских элит, продолжающих верить в свои собственные представления о политике «многовекторности» и «особого пути», могут просто при-

вести к созданию различных взаимных барьеров (Бондаренко, 2017:107-109).

В заключение хотелось бы отметить, что современная методологическая тенденция направлена на сохранение понятия «Евразия» открытым. Это обеспечит его будущий эвристический потенциал. Принятие комплексного, синтетического, многовекторного «прочтения» понятия Евразия выражает объективный эволюционный процесс изменения картины мира, а потому, на наш взгляд, отсутствие нормативности не следует расценивать как методологический недостаток. Полифония сегодняшних дискурсов – естественная ситуация, демонстрирующая, что Евразия – это не эссенциалистская концепция, а открытое повествование, которое обогащается усилиями многих политиков и ученых, совместно формирующих будущее этого региона и возможные пути его интеграции или распада. На наш взгляд, именно эту динамику и фиксируют рассмотренные в статье методологические подходы и нововведенные понятия.

Литература

- Актюрк С. Reflections on a Central Eurasian Model: A Foucauldian Reply to Barfield on the Historiography of Ethno-Nationalisms // *Central Eurasian Studies Review*. – 2006. – Vol. 8-1. – Pp. 43-46.
- Амслер С. Why Central Eurasian Studies is Good for Sociology: Educational resources and developments // *Central Eurasian Studies Review*. – 2009. – Vol. 8-1. – Pp. 43-46.
- Бжезинский З. (1998). *The grand Chessboard: American primacy and its geostrategic imperatives*. – New York: Basic Books.
- Бисенова А., Медеуова К. О проблемах региональных исследований в/по Центральной Азии // *Антропологический форум*. – 2016. – № 28.
- Бондаренко К. А. Long Transformation: Central Asian Countries on the Threshold of Change // *Central Asia at 25: Looking Back, Moving Forward*. Institute for European Russian and Eurasian Studies: George Washington University. – 2017. – pp. 107-109.
- Брага П., Канешко С. Strategy Amidst Ambiguity: the Belt and Road and China's Foreign Policy Approach to Eurasia // *The Journal of Cross-Regional Dialogues/La Revue de dialogues inter-régionaux*. – DOI:10.25518/2593-9483.132
- Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии. ред. Петрова В.Ф. – Алматы: Магжан, 1993. – 5 п.л.
- Дашидоржиева В. Lacuna as a phenomenon of culture // *Научный электронный архив*. URL: – 2010. <http://econfr.rael.ru/article/6206>.
- Джолович Дж. Lacuna theory in intercultural communication: Focus on axiological // *Вопросы психолингвистики*. – 2006. – №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lacuna-theory-in-intercultural-communication-focus-on-axiological-lacuna>.
- Дюшателль М. et al. Eurasian integration: Caught between Russia and China // *European Council on Foreign Relations* https. – 07.06.2016. http://ecfr.eu/article/essay_eurasian/
- Евразийская ассоциация университетов. <http://www.eau-msu.ru/about>.
- Жданова Г. В. Евразийство в современных исследованиях, философские аспекты: автореф. к.ф.н.: 09.00.03. – М., 2002. – 145 с.; <https://www.dissercat.com/content/evraziistvo-v-sovremennykh-issledovaniyakh-filosofskie-aspekty>
- Казази Л. (2014). The Lacuna as a Cultural Phenomenon: Analyzing Martin Camaj's "Circles" // *Journal of Educational and Social Research*. DOI:10.5901/jesr.2014.v4n4p353
- Карабаева А.Г., Исмагамбетова З.Н., Аубакирова С.С. Компаративистский метод в социальной философии и философии культуры // *Вестник КазНУ. Серия. философия, культурология, политология*. – 2019. – No.2 (68). – С. 55-64. <https://bulletin-philopolit.kaznu.kz/index.php/1-pol/article/view/1051/1012>.
- Келлер С. Histories of Central Asia: An SSRC Web Resource for Teaching // *ASIANetwork Exchange: A Journal for Asian Studies in the Liberal Arts*. – 2009. – 16(2). – Pp. 43–52. DOI: <http://doi.org/10.16995/ane.222>.

Колчигин С. Евразийская идея в эпоху глобализации // Евразийская доктрина Нурсултана Назарбаева. – Алматы: Институт философии и политологии МОН РК, 2010. – С. 277-314.

Ларюэль М. Histoire d'une usurpation intellectuelle: L. N. Gumilev, « le dernier des eurasistes » ? // Revue des études slaves. – 2001. – tome 73, fascicule 2-3. – pp. 449-459. DOI : <https://doi.org/10.3406/slave.2001.6726> www.persee.fr/doc/slave_0080-2557_2001_num_73_2_6726.

Лысенко О. ЕАЭС: от идеи к воплощению // Литер. – 28.05.2021

Масалимова А.Р., Найзабаева Г.А. Factors of Soft Power In «New Silk Road» Intercultural Interview // Вестник КазНУ. Серия. философия, культурология, политология. – 2019. – No.1 (67). – С. 43-50.

METU Eurasian Studies program. <https://eas.metu.edu.tr/>.

Мостафа Г. The Concept of 'Eurasia': Kazakhstan's Eurasian Policy and its Implications // Journal of Eurasian Studies – 2013. – №4 – С. 160-170. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2013.03.006>

Обыденкова А. Comparative regionalism: Eurasian cooperation and European integration. The case for neofunctionalism? // Journal of Eurasian Studies. – Volume 2, Issue 2/ – Pp. 87-102/ <https://doi.org/10.1016/j.euras.2011.03.001>

Осербаев Е., Габитов Т. Cultural transitions and dialogues in the Great Silk road area: experience in preventing cultural deviations // Вестник КазНУ. Серия. философия, культурология, политология. – 2021. –vol. 75 (1). – pp. 61-73. <https://doi.org/10.26577/jrcp.2021.v75.i1.07>

Ривз М. Антропология Средней Азии через десять лет после «состояния поля»: стакан наполовину полон или наполовину пуст? // Антропологический форум. – 2014. – Vol. 20 (1). – pp. 60-79.

Рой О. The New Central Asia: the Creation of Nations. – New York Univ. Press, 2000. – 222 pp. ISBN 9781860642784.

Ролланд Н. A China–Russia Condominium over Eurasia // Survival. –No. 61:1. –pp. 7-22 | Published online: 29 Jan 2019. <https://doi.org/10.1080/00396338.2019.1568043>

Рякова Е. Савчук Е., Сагикызы А. Historical and philosophical prerequisites of analysis of the modern global processes // Вестник КазНУ. Серия. философия, культурология, политология. – 2019. – No.2 (68). – С. 82-89.

CESS: Central Eurasian Studies Society <http://thecessblog.com>.

CIAS, <http://www.utoronto.ca/cias/>

Сербин А. Contending Geopolitical Narratives and Global Tectonic Shifts //The Fletcher forum of world affairs. – 2018. – 42(2).

Сотникова Н.Н. Ценностные особенности исторического познания // Историческое сознание и постматериальные ценности: сборник научных статей / авт.-сост.: К.В. Султанов. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена. – 2010. – С. 98-103. ISBN 978-5-8064-2689-6.

Султанов Б.К., ред. Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века (Издано с санкции Госсовета КНР по делам развития и реформ, Министерство иностранных дел и Министерство коммерции) // Экономический пояс Шелкового пути в контексте региональной безопасности. – Алматы: Исследовательский институт международного и регионального сотрудничества Казахстанско-Немецкого университета, 2017. – 176 с. – С. 143-169.

Телебаев Г. Т. Тюркская интеграция: история осмысления и инициативы Елбасы // Вестник КазНУ. Серия. философия, культурология, политология. – 2021. – v.76.2. – С. 124-130. doi.org/10.26577/jrcp.2021.v76.i2.12.

Тлеугабылова, К. С. Абдрахманова А. А., Макалаков Т. Ж. Л.Н. Гумилев – один из основоположников идеи евразийства // Молодой ученый. – 2013. – № 2 (49). – С. 288-291. – URL: <https://moluch.ru/archive/49/6156/>.

Улько А. Censorship and Art in Central Asia: Post-Colonial and Post-Soviet Perspectives Five Central Asian countries // <https://www.researchgate.net/2017>.

Фазизова Р. Идея евразийства в политике республики Казахстан: теория и практика // Модернизация Инновации Развитие – 2011. – Том 2 №3 (7).

Филонова, Л.Г. Евразийство в философско-исторической и политической мысли русского зарубежья 1920–1930-х годов // Сборник. – Научно-исследовательский отдел библиографии РГБ. – 2011.

Эверед К. Eurasianist Geopolitics Today: A Comparative Survey of Kazakh and Turkish Examples // The Central Eurasian Studies Review. – 2018. – vol. 6 –1(2).

Эртюрк К., ред., (1999). Rethinking Central Asia: Non-Eurocentric Studies in History, Social Structure and Identity. – Reading, UK: Ithaca Press, vi, – 202 pp., index. ISBN 0863722407

References

Akturk S. (2006) Reflections on a Central Eurasian Model: A Foucauldian Reply to Barfield on the Historiography of Ethno-Nationalisms // Central Eurasian Studies Review. Vol.8-1. Pp.43-46.

Amsler S. (2009) Why Central Eurasian Studies is Good for Sociology: Educational resources and developments // Central Eurasian Studies Review. -Vol.8-1. -Pp.43-46.

Bisenova A., Medeuova K. (2016) O problemah regional'nyh issledovanij v/po Central'noj Azii(On the problems of regional research in Central Asia) //Antropologicheskij forum. -№ 28. (In Russian)

- Bondarenko K. A. (2017) Long Transformation: Central Asian Countries on the Threshold of Change //Central Asia at 25: Looking Back, Moving Forward. Institute for European Russian and Eurasian Studies: George Washington University. pp. 107-109.
- Braga P., Kaneshko C. Strategy Amidst Ambiguity: the Belt and Road and China's Foreign Policy Approach to Eurasia // The Journal of Cross-Regional Dialogues/La Revue de dialogues inter-régionaux. -DOI:10.25518/2593-9483.132
- Brzezinski Z. (1998). The grand Chessboard: American primacy and its geostrategic imperatives. New York: Basic Books.
- Dashidordzhieva V.(2010) Lacuna as a phenomenon of culture // Nauchnyj jelektronnyj arhiv.URL: -. <http://econf.rae.ru/article/6206>.
- Djushatel' M. et al. Eurasian integration: Caught between Russia and China // European Council on Foreign Relations https://ecfr.eu/article/essay_eurasian/ -07.06.2016. http://ecfr.eu/article/essay_eurasian/
- Dzholovich Dzh.(2006) Lacuna theory in intercultural communication:Focus on axiological// Voprosy psiholingvistiki.. -№3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lacuna-theory-in-intercultural-communication-focus-on-axiological-lacunae> .
- Fazizova R.(2011) Ideja evrazijs'tva v politike respubliki Kazahstan: teorija i praktika(The idea of evrazijs'tva in the politics of the republic of Kazakhstan: theory and practice) // Modernizacija Innovacii Razvitie -Tom 2 №3 (7). (In Russian)
- Filonova, L.G. (2011)Evrazijs'tvo v filosofsko-istoricheskoi i politicheskoi mysli russkogo zarubezh'ja 1920–1930-h godov (Eurasia in Philosophical-Historical and Political Thoughts of Russian Abroad 1920–1930s) // Sbornik. -Nauchno-issledovatel'skij otdel bibliografii RGB.(In Russian)
- Gumilev L. N. Ritmy Evrazii. red. Petrova V.F. (Rhythm of Eurasia)//Almaty: Magzhan, 1993. -5 p.l. (In Russian)
- Jertjurk K., (1999). Rethinking Central Asia: Non-Eurocentric Studies in History, Social Structure and Identity. -Reading, UK: Ithaca Press, vi, -202 pp., index. ISBN 0863722407
- Jevered K. (2018)Eurasianist Geopolitics Today: A Comparative Survey of Kazakh and Turkish Examples // The Central Eurasian Studies Review.. – vol.6 –1(2).
- Karabaeva A.G., Ismagambetova Z.N., Aubakirova S.S. (2019) Komparativistskij metod v social'noj filosofii i filosofii kul'tury (The comparative method in social philosophy and the philosophy of culture) // Vestnik KazNU. Serija. filosofija, kul'turologija, politologija.. – No.2 (68). –s. 55-64. <https://bulletin-philopolit.kaznu.kz/index.php/1-pol/article/view/1051/1012>. (In Russian)
- Kazazi L.(2014). The Lacuna as a Cultural Phenomenon: Analyzing Martin Camaj's "Circles" //Journal of Educational and Social Research. DOI:10.5901/jesr.2014.v4n4p353
- Keller S. (2009) Histories of Central Asia: An SSRC Web Resource for Teaching // ASIANetwork Exchange: A Journal for Asian Studies in the Liberal Arts. -16(2). -pp.43–52. DOI: <http://doi.org/10.16995/ane.222>.
- Kolchigin S. Evrazijskaja ideja v jepohu globalizacii // Evrazijskaja doktrina Nursultana Nazarbaeva. – Almaty: Institut filosofii i politologii MON RK, 2010. – S.277-314.
- Larujel M.(2001) Histoire d'une usurpation intellectuelle : L. N. Gumilev, « le dernier des eurasiistes » ? // Revue des études slaves. – tome 73, fascicule 2-3. – pp. 449-459. DOI : <https://doi.org/10.3406/slave.2001.6726> www.persee.fr/doc/slave_0080-2557_2001_num_73_2_6726.
- Lysenko O. EAJeS: ot idei k voploshheniju (EAJeS: from ideas to embodiment)// Liter .-28.05.2021(In Russian)
- Masalimova A.R., Najzabaeva GA. (2019) Factors Of Soft Power In «New Silk Road» Intercultural Interview // Vestnik KazNU. Serija. filosofija, kul'turologija, politologija.– No.1 (67). – s. 43-50.
- Mostafa G. (2013)The Concept of 'Eurasia': Kazakhstan's Eurasian Policy and its Implications // Journal of Eurasian Studies. – №4 – c. 160-170. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2013.03.006>
- Obydenkova A. (2011) Comparative regionalism: Eurasian cooperation and European integration. The case for neofunctionalism? // Journal of Eurasian Studies. -Volume 2, Issue 2/ – pp. 87-102/ <https://doi.org/10.1016/j.euras.2011.03.001>
- Oserbaev E., Gabitov T. (2021) Cultural transitions and dialogues in the Great Silk road area: experience in preventing cultural deviations // Vestnik KazNU. Serija. filosofija, kul'turologija, politologija. –vol. 75 (1). – pp. 61-73. <https://doi.org/10.26577/jpcp.2021.v75.i1.07>
- Rivz M.(2014) Antropologija Srednej Azii cherez desjat' let posle «sostojanija polja»: stakan napolovinu polon ili napolovinu pust? (Anthropology of Central Asia through the ten years after the “field condition”: will Napoleon Polon or Napoleon be left?)/Antropologicheskij forum. -Vol. 20 (1). -pp. 60-79.(IN Russian)
- Rjakova E. Savchuk E., Sagikyzy (2019) A. Historical and philosophical prerequisites of analysis of the modern global processes // Vestnik KazNU. Serija. filosofija, kul'turologija, politologija. – No.2 (68). –s. 82-89.
- Roj O. (2000) The New Central Asia: the Creation of Nations. -New York Univ. Press .- 222 pp. ISBN 9781860642784.
- Roland N. A (2019) China–Russia Condominium over Eurasia // Survival. –No. 61:1. –pp. 7-22 | Published online: 29 Jan. <https://doi.org/10.1080/00396338.2019.1568043>
- Serbin A. (2018) Contending Geopolitical Narratives and Global Tectonic Shifts //The Fletcher forum of world affairs. -. -42(2).
- Sotnikova N.N. (2010) Cennostnye osobennosti istoricheskogo poznanija // Istoricheskoe soznanie i postmaterial'nye cennosti: sbornik nauchnyh statej (Value features of historical knowledge // Historical consciousness and post-material values: collection of scientific articles // avt-sost.: K.V. Sultanov. – SPb.: RGPU im.A.I. Gercena. -. -s. 98-103. ISBN 978-5-8064-2689-6. (In Russian)
- Sultanov B.K., red. (2017) Prekrasnye perspektivy i prakticheskie dejstvija po sovmestnomu sozdaniju jekonomicheskogo pojasa Shelkovogo puti i Morskogo Shelkovogo puti XXI veka (Izdano s sankcii Gossoveta KNR po delam razvitija i reform, Ministerstvo inostrannyh del i Ministerstvo kommercii)(Excellent prospects and practical actions for the joint creation of the eco-

conomic belt of the Silk Road and the Maritime Silk Road of the 21st century (Published with the approval of the State by the Minister of the PRC for Economic Development.) // *Jekonomicheskij pojas Shelkovogo puti v kontekste regional'noj bezopasnosti.* – Almaty: Issledovatel'skij institut mezhdunarodnogo i regional'nogo sotrudnichestva Kazahstansko-Nemeckogo universiteta., – 176 s. – s.143-169. (In Russian)

Telebaev G. T. (2013) *Tjurkskaja integracija: istorija osmyslenija i iniciativy Elbasy* (Turkish integration: the history of thinking and initiatives of the President)// *Vestnik KazNU. Serija. filosofija, kul'turologija, politologija.* – 2021. – v.76.2. – c. 124-130. doi.org/10.26577/jpcp.2021.v76.i2.12. (In Russian)

Tleugabylova, K. S. Abdrahmanova A. A., Makalakov T. Zh. L.N.Gumilev – odin iz osnovopolozhnikov idei evrazijstva (L.N. Gumilev is one of the founders of the idea of Eurasia.)// *Molodoj uchenyj.* – № 2 (49). – S. 288-291. – URL: <https://moluch.ru/archive/49/6156/>.(In Russian)

Ul'ko A. (2017) *Censorship and Art in Central Asia: Post-Colonial and Post-Soviet Perspectives Five Central Asian countries*(Censorship and Art in Central Asia: Post-Colonial and Post-Soviet Perspectives Five Central Asian countries) // <https://www.researchgate.net/>. (In Russian)

Zhdanova G. V. (2002) *Evrazijstvo v sovremennyh issledovanijah, filosofskie aspekty*(Eurasianism in modern research, philosophical aspects): avtoref. k.f.n.: 09.00.03. – Moskva. – 145 s.; <https://www.dissercat.com/content/evraziistvo-v-sovremennykh-issledovaniyakh-filosofskie-aspekty>(In Russian)